

Урок 12

Тема: Я и Ты: Тема дружбы в романе. Онегин и Ленский

Цель урока: продемонстрировать роль противоречия в художественном мышлении Пушкина и показать значение антитезы как основного принципа организации образов и структуры романа

Ход урока:

1. Проверка домашнего задания (вопросы 7, 10).

2. Постановка проблемы.

Можно ли сказать, что Онегин и Ленский – «от делать нечего друзья»?

3. Эвристические вопросы и задания.

Почему Ленский – «поклонник Канта и поэта» - влюблен в Ольгу, а не в Татьяну? Сравните отношение Онегина к Ленскому и Зарецкому. Почему Ленский, противопоставленный Онегину как «стихи и проза, лед и пламень», становится его другом, а Зарецкий, имеющий с Онегиным много схожих черт, всего лишь поддерживает с ним приятельские отношения?

4. Анализ эпизода дуэли.

Как возник конфликт между Ленским и Онегиным? Можно ли было избежать дуэли? Что могли бы помешать дуэли? Почему в тексте романа так настойчиво утверждается, что дуэль могла бы не состояться, но состоялась?

Разработайте схему примирения двух друзей. Как могли бы вести себя герои в этой сцене? Что должен был сказать Онегин, что Ленский? Кто мог бы выступить инициатором примирения? А кто должен был?

Литературоведческий и методический комментарий

Одна из многих загадок Пушкина: он представляется как простым и ясным, так и глубоким и неисчерпаемым. Все зависит от способности нашего духовного зрения через поверхностные слои проникать вглубь той многосложной и многослойной структуры, которой является художественный мир Пушкина. В отношениях Онегина и Ленского можно увидеть как пушкинскую трактовку дружбы, так и пушкинскую концепцию мира, являющего собой неразрывное единство противоположностей. Произвольное разрушение этого единства чревато катастрофой, грозящей гибелью одним, неизлечимыми душевными ранами другим, потрясением гармонии и равновесия мира в целом.

В качестве эпиграфа к пушкинскому творчеству можно было бы взять строки из «Евгения Онегина», точно отражающие главную установку автора: «Противоречий очень много, но их исправить не хочу». В устранении противоречащих друг другу высказываний он видит аналог классицистскому методу всеобщей унификации, подчинения единому и общему для всех как единственно истинному. Изначальная установка на исправление противоречий влечет за собой создание искусственной унифицированной модели жизни, логически правильной, выявляющей торжество разума, тяготеющей к созданию эмоционально однородной схемы мира, удаленной от реальной сложности и многообразия жизни. Явно и ярко выраженные, демонстративно подчеркнутые противоречия находятся в пушкинском художественном мире в состоянии зыбкого и неустойчивого равновесия. В случае однозначного решения в пользу одной стороны это необходимое единство уничтожается торжеством одного начала и отказом от другого. По Пушкину, однозначное решение может быть только односторонним: ли Онегину ни Ленскому в их противоположности не отдается того предпочтения, которое позволяет ограничиться одним, уничтожив другое. Необходимая полнота мира страдает от убийства юного поэта. Отказ же от противостояния столь несходных личностей и их абсолютное тождество возможен лишь как иллюзорное решение, декларируемое, но не реальное единство. Пушкин предпочитает видеть в противоречиях не основание для конфликта, а дополнение, обеспечивающее многообразие жизни и избавляющее от скуки и монотонности. Чувствительность к противоположному у Пушкина беспредельна. Утверждая, что «все признаки невежества – презрение к чужому», Пушкин не имеет равных в протестической способности перевоплощаться в другое «я», понимание его изнутри.

Противоположности, независимо от того, находятся ли они в конфликте или мирно сосуществуют (Снегид и Ленский знают и тот и другой варианты), - дополняют и объясняют друг друга. Каждый ценен и сам по себе, и как часть целого, без которой это целое будет неполным, лишится своего многообразия. В мире Пушкина можно научиться относиться к любой субъективно несимпатичной личности как к отражению полноты бытия, носительнице неповторимого, только ей присущего начала мира. Так, Онегин, зная о многочисленных негативных качествах Зарецкого, с удовольствием встречается с ним. И в Зарецком можно найти нечто достойное любви, хотя он и несопоставим в глазах Евгения с Ленским, к которому Онегин при всей их противоположности относится с безусловной любовью: «всем сердцем юношу любя» Ср.: о Зарецком сказано: «Он был не глуп; и мой Евгений, Не уважая сердца в нем, Любил и дух его суждений, И здравый толк о том о сем». В Зарецком Онегин любит отдельные проявления личности; Ленского он принимает целиком, добродушно посмеиваясь над тем, что он считает отражением юного возраста поэта. Отношениями дружбы связаны люди, подчеркнута противопоставленные как «волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень», тогда как имеющие ряд сходных черт Онегин и Зарецкий лишь поддерживают добрые отношения. Очевидно, в отношениях Онегина и Ленского «взаимная разнота» не препятствует дружбе, а бесконечные споры («Меж ими все рождало споры...») только усиливают взаимное притяжение и интерес, не отталкивая спорщиков друг от друга, но взаимообогащая, стимулируя развитие («...и к размышлению вело»). У Пушкина скорее

сближаются люди, которым есть о чем спорить, отсутствие же общего предмета для спора является показателем чуждости, отсутствия точек соприкосновения.

Пушкин настаивает на неповторимости, незаменимости людей, явлений жизни, ситуаций. Каждое из меняющихся в жизненном потоке лиц имеет свою ценность и не может, «сменив, заменить» другие. Пушкин представляет мир состоящим из противоположностей, которые не исключают друг друга, из противоречий, которые не мешают единству. В художественном мире Пушкина торжествует симфонизм, сочетание разнородных голосов, не имеющих ничего общего с унификацией. Онегин и Ленский, противопоставленные друг другу как противоположные натуры, в авторском сознании уравниваются как одинаково достойные интересы и ни один из них не заслуживает предпочтения перед другим. Соединяя разнородные и разрозненные начала, Пушкин не ставит целью преодолеть эту разнородность, но сводит их в их контрастной противоположности, сопоставляет и сравнивает как разные возможности, имеющие равное право на существование.

В свете сказанного понятно, почему дуэль двух друзей представлена как «страшный, непонятный сон», нелепое, трагическое недоразумение, которого до последнего рокового выстрела можно было избежать: «не засмеяться ль им, пока не обагрилась их рука, Не разойтись ль полюбовно?...» Препятствия к примирению друзей называются ложными: «Но дико светская вражда Бойся ложного стыда». Истинную проблему Пушкин видит в неспособности людей по настоящему любить друг друга. Любовь, побуждающая прощать и просить прощения (С. с Ленском, рассердившемся на Ольгу, говорится: «Уж он, раскаяньем томи, Готов просить у ней прощенья») могла бы оказаться спасительной. Роковому поединку могли бы помешать и внешние обстоятельства («Когда бы ведала Татьяна...»). Нет непреложной необходимости в убийственной дуэли, что со временем проявились бы противники. Но враждебное чувство отличается не только нетерпимостью, но и нетерпением. Пушкин находит точное определение ситуации конфликта: «кипящая вражда нетерпеливой». В разгорающемся конфликте люди не способны ждать и не полагаются на время, могущее изменить ситуацию.

Анализ эпизода дуэли и предшествующих ему дает возможность осмыслить отношение Пушкина к конфликтам как следствию зачастую искусственного приведения имеющихся противоречий в состояние борьбы. По Пушкину, степень конфликтности человека определяется его ограниченностью, то есть неумением выйти за рамки собственной личности, привычных мерок, норм, идеалов. Между таким человеком и окружающими лежит непроницаемая черта, не допускающая понимания того, что не есть мое, не похоже на мое, не привычно для меня, а значит не соответствует норме. Открытие, что могут быть иные нормы и подходы, кроме собственного, как правило, невозможно для таких людей. Умения сопереживать и сочувствовать не хватило Онегину, играющему чувствами пылкого юноши, сознательно причиняя боль Ленскому и Татьяне имитацией увлечения Ольгой. Смелости и благородства не хватило Онегину, понимающему свою вину как провокатора конфликта, но не могущему заставить себя стать инициатором примирения. Здесь, как и в других ситуациях романа, Онегин пассивно плывет по течению там, где ему следовало бы взять ответственность на себя и потому, что он должен отвечать за собственное легкомыслие и недальновидность, и потому, что он старше, опытнее, умнее своего юного друга. Понимая все это, Онегин все же подчиняется кодексу светской чести, а не голосу разума и благородства. Ценой оказывается жизнь человека.

Поэтически оплакивая смерть Ленского, Пушкин прощается с юностью – пылкой, безрассудной, но благородной и самоотверженной, способной безоглядно следовать велениям сердца, восстающего против несправедливости, подлости, зла. В отличие от Онегина, идущего на дуэль из страха перед пересудами света, «общественным мнением», Ленский в дуэли видит единственный способ защитить любимую девушку от «искусителя». Заблуждаясь насчет истинных мотивов поведения Онегина, Ленский

чувствует в поведении друга фальшь и неискренность, которые несут соблазн и искушение «младому сердцу».

По Пушкину, каждый человек осуществляет свой собственный выбор из безграничных возможностей, которые предлагает жизнь. Попытка Онегина уклониться от личного выбора, заменив его следованием светскому кодексу чести, оказывается убийственной для его друга, трагически-переломной для самого Онегина. Свобода выбора не несет губительных последствий только в союзе с ответственностью человека за свой выбор. Легкомыслие Онегина и обычный для светского человека автоматизм в подобных ситуациях вплоть до бездумного автоматического выстрела убивают юношу, а вместе с ним и те возможности, которые мог бы испытать своей жизнью Ленский. В обсуждении учащимися возможных вариантов дальнейшей судьбы Ленского, если бы юноша остался жив, важно не столько обосновать большую вероятность какого-то одного из путей, сколько акцентировать трагичность ситуации: выстрел Онегина разом убивает все возможности, таящиеся в Ленском. Осталась недопетой песня поэта, не прожитой его жизнь. И изумительный штрих, нанесенный автором напоследок. Пушкин называет Онегина «убийцей юного поэта», а буквально через три строки заявляет о своей любви к убийце: «Я сердечно Люблю героя моего». Уникальна пушкинская способность к сочувствию и пониманию всякой боли – и боли убийцы («в тоске сердечных угрызений») тоже.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ